

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-54>

УДК 81-112

ДВА ПСЕВДОЕВАНГЕЛИЯ: ВАРИАНТЫ ПРОФАНИЗАЦИИ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА

А.Д. Васильев (Красноярск)

Аннотация

Интертекстуальность выражается в разных формах, одной из наиболее распространенных среди них выступает пародия. Объектом пародирования обычно становятся высокопрецедентные произведения, так как комический эффект искажения их привычного облика оказывается легко предсказуемым и доступным широкой аудитории.

Закономерно, что публичному вниманию часто предлагаются пародийные варианты канонических конфессиональных текстов, фундаментальных для какой-либо религии. В таких случаях реализуется инверсия универсальной оппозиции *сакральное / профанное*, а резонансный результат достигается, как правило, за счет использования при изложении константного сюжета жанрово-стилистически гетерогенных для него языковых единиц.

В качестве примеров подобных пародий рассматриваются два параевангелия. Одно написано Д. Бедным в 1925 году, другое – М. Шильманом в 1990 году. В обоих случаях авторы применяют прием передачи общеизвестных фабульных ходов и их персонажей с помощью лексико-фразеологических средств, чуждых церковнославянской стихии.

Однако предполагаемые интенции литераторов заметно различаются. Д. Бедный – активный участник антирелигиозной кампании первых советских лет, исполнитель государственного агитационного заказа; М. Шильман – очевидный приспешник пропагандистских операций так называемой перестройки, нацеленных на разрушение государства. Атеистические мероприятия предназначались для замены православной религии коммунистической идеологией; перестроечно-реформаторские манипуляции предполагали уничтожение сакральных ценностей вообще.

Проведенное исследование позволяет заключить, что во многом внешне сходные модификации основополагающих религиозных текстов несомненно отличаются друг от друга индуцируемыми импульсами общественного сознания.

Ключевые слова: *филологический анализ текста, интертекстуальность, пародия, универсальные оппозиции, канонический текст, варианты, жаргонизмы, интенция автора.*

Постановка проблемы. Пародирование высокопрецедентных текстов, прежде всего конфессионально канонических, обычно получающее общественный резонанс, как правило, порождается определенными политическими и / или сопряженными с ними социокультурными процессами. Их векторы могут быть направлены как на удовлетворение личных амбиций и нужд адресантов, так и на достижение масштабно значимых целей, не обязательно творческого характера. Подобные эксперименты строятся на инверсии сакрального и профанного.

Обзор литературы. Эти феномены имеют глубокие исторические корни, восходящие, по крайней мере, к Античности (см. [Фрэзер, 1983, с. 546–547],

[Винничук, 1988, с. 378, 416–417]) и получившие продолжение в западноевропейские эпохи Средневековья и Возрождения, воплотившись в широкой карнавализации [Бахтин, 2010, с. 12–23; и др.].

На русской почве травестирование церковной обрядности принимало несколько иные выражения (см. [Ключевский, 1987, т. 2, с. 166–184; и др.; Ключевский, 1984, т. 4, с. 36–39]). Отразилось оно и в сатирической литературе – например, в «Службе кабаку» или «Повести о попе Савве» [Адрианова-Перетц, 1937, с. 40–45, 57–58].

Гораздо позднее и в совсем других обстоятельствах появились произведения разных авторов, пародировавшие один и тот же религиозный текст – Четвероевангелие. Это «Новый Завет без изъяна евангелиста Демьяна», опубликованный Д. Бедным в 1925 году [Бедный], и «Житие великого митька Иисуса по кликухе Христос и о том, как он тащился, и как его замочили враги», написанное М. Шильманом в 1990 году (цит. по: [Евангелие от Митьков, 1997]).

Цель исследования: анализ лексико-фразеологических средств, чуждых церковнославянской стихии двух параевангелий, написанных Д. Бедным (1925) и М. Шильманом (1990).

Методология анализа основана на структурно-семантическом и лингвокультурологическом подходах.

Результаты исследования. Поэма Д. Бедного «Новый Завет без изъяна...» в сюжетно-композиционном отношении представляет собой некую версифицированную перелицовку Четвероевангелия, фабульно следующую за прототекстом. Она повествует о тех же самых лицах и событиях, но в совершенно иной стилистической тональности (что достигается прежде всего постоянным переплетением славянизмов и разнообразных вульгаризмов) и под нарочито сниженным оценочно углом зрения. В совокупности эти приемы несомненно призваны способствовать устранению традиционного коннотативного ореола канонического произведения, пародируемого последовательно и тщательно.

Избранный подход акцентируется автором на протяжении всего текста за счет включения к большинству глав эпиграфов, тезисно формулирующих соответствующий излагаемый эпизод. Такие эпиграфы очевидно предназначены эпатировать читателя посредством трансляции конфессионально значимых фрагментов в просторечно-сниженном словесном оформлении; при этом, как правило, в каждом случае (за исключением глав 8 и 11) приводится отсылка к определенной главе и стиху реального Евангелия – а в главе 12 даже и ко всем четырем сразу. По всей вероятности, столь своеобразная верификация должна была усилить агитационно-полемиический эффект произведения в целом.

Собственно, единственным композиционным отступлением от известной евангельской структуры в опусе Д. Бедного стало придуманное им «Введение» – с эпиграфом: «Введение, которое многих приведет в обалдение» с отсылкой к Луке, 1, 1–3 (где, впрочем, буквально говорится лишь: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, Как

передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, – то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку отписать тебе, достопочтенный Феобфил...»). Это «Введение» содержит, во-первых, указание на противоречивость свидетельств евангелистов; однако это обстоятельство давно установлено рядом исследователей, которые, зачастую независимо друг от друга, заключали, что евангелия «писали разные люди, по-разному смотревшие на вещи; неудивительно поэтому, что евангелия представляют собою поистине фантастический конгломерат противоречий, недомолвок и расхождений. Это обстоятельство тревожило даже некоторых основоположников христианства» [Косидовский, 1990, с. 452].

Во-вторых, Д. Бедный заявляет во «Введении», что источником его повествования стало якобы найденное случайно «Евангелие от Иуды» («нечто вроде дневника Любимого Иисусова ученика»), неопровержимо доказывающее, что «онный апостол Иуда <...> был истинным Христовой церкви создателем!».

Макаронический стиль оптимально гармонирует с антирелигиозным замыслом агитки, будучи целесообразным для успешной профанизации сакральных текстов в восприятии невзыскательной аудитории низкого культурно-образовательного уровня.

Вероятно, с течением времени произведение Д. Бедного заметно утратило актуальность как один из многих инструментов широкой антирелигиозной кампании, и вряд ли о нем известно в последние десятилетия кому-либо, кроме специалистов. Небезынтересно, однако, что эта поэма получила нечто вроде беллетристически продолженного бытия, причем через многие годы после кончины ее творца. Ведь, по мнению некоторых комментаторов, сочинение воинствовавшего безбожника и он сам обрели воплощение в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – как «большая антирелигиозная поэма» Ивана Бездомного, под пером которого «Иисус получился <...> совершенно живой <...>, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисус» [Булгаков, 1990, т. 5, с. 9; Лесскис, 1990, с. 632–633]. В связи с этим нелишне вспомнить о личностно-биографических обстоятельствах писателя, несомненно отразившихся в его мировоззрении [Лакшин, 1989, с. 9]. Подтверждения тому обнаруживаются в различных текстах М. Булгакова, в частности в дневниковых записях, например: «Сегодня <...> ходил в редакцию „Безбожника“ <...>. В редакции сидит невероятная сволочь. „Как в синагоге“, – сказал М. <...>. Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника» (цит. по: [Поляков, 2019, с. 166–167]). Правда, религиозные чувства Булгакова не вполне укладываются в рамки «традиционного церковного смысла» [Лакшин, 1989, с. 59], о чем говорят и сам первоначальный замысел «романа о дьяволе», и контрастное ему авторское воззвание к высшим силам на его черновиках: «Помоги, Господи, кончить роман» [Лесскис, 1990, с. 608–609]. По-видимому, активное неприятие торжества официального атеизма для писателя было в первую очередь частью отторжения совокупности социокультурных реалий советской эпохи.

«Евангелие от Митьков» композиционно-фабульно соотносится с прототекстом, хотя не во всех случаях возможно строго определенно привязать сюжет каждой из глав пародии к какой-то из глав Четвероевангелия (хотя хронология евангельских событий в общем-то соблюдается в квазиевангелии). Такая диффузия распознаваемости источника обусловливается, в частности, и многими противоречиями между его частями, и вероятным стремлением современного псевдоевангелиста нивелировать эти диссонансы, дабы облегчить рецепцию сконструированного опуса неискушенной и невзыскательной аудиторией.

Тем не менее представляется возможным установить приблизительное соответствие рубрикации пародии, с одной стороны, и ее прототекста – с другой. Итак: глава 1 ≈ Ио. 1: 1–3; глава 2 ≈ Лк. 1: 26; Мф. 1: 25; глава 3 ≈ Лк. 1: 28–35; глава 4 ≈ Мф. 4: 18; глава 5 ≈ Мф. 4: 1–11; глава 6 ≈ Мф. 5; глава 7 ≈ Мр.: 6, 48; глава 9 ≈ Лк. 7: 11–16; Ио. 8: 3–11; глава 10 ≈ Мф. 21: 8; Мр. 12: 13–17; глава 11 ≈ Мф. 26: 27–28; глава 12 ≈ Мф. 26: 39, 42 и др.; глава 13 ≈ Лк. 22: 43; глава 14 ≈ Ио. 19 и др.; глава 15 ≈ Мф. 27: 46 и др.

Попытка логически упорядочить сумбурное евангельское повествование своеобразно уравнивается макароническим стилем изложения. Здесь соседствуют и взаимно пересекаются лексико-фразеологические элементы генетически разных пластов, принадлежащих прежде всего различным нелитературным и притом социально ограниченными модификациям языка. Среди них выделяются «наиболее употребляемые митьками слова и выражения» [Шинкарев, 1990, с. 1]; единицы «сленга хиппи» [Рожанский, 1992]; уголовно-жаргонные вкрапления, а также некоторое количество общеупотребительной лексики.

К первой группе относятся: *дык, елы-палы, с говном кушать, оттянуться, в полный рост, крутняк, дурилка картонная, западло, разделить по-божески, опаньки*; вероятно, также *братушка*.

Ср. их семантизации и примеры употребления в рассматриваемом тексте:

дык – ‘слово, могущее заменить практически все слова и выражения. <...> С восклицательной интонацией заменяет слова: как, кто, почему, за что и др., но чаще служит обозначением упрека: мол, как же так?’ [Шинкарев, 1990]. – «Дык говорю, кто не пустит все побоку, тот в полный рост не оттянется» [Евангелие от Митьков, 1997];

елы-палы – ‘выражает обиду, сожаление, восторг, извинение, страх, радость, гнев и пр.’ [Шинкарев, 1990]. – «Елы-палы, Господи, накрываюсь!» [Евангелие от Митьков, 1997];

съесть с говном (кого-либо) – ‘обидеть кого-либо, упрекнуть’ [Шинкарев, 1990]. – «Иди к нам», – говорите чуваку и с говном его кушаете» [Евангелие от Митьков, 1997];

оттягиваться – ‘заняться чем-либо приятным, чтобы забыть о тяготах жизни митька, чаще всего означает – напиться’ [Шинкарев, 1990]. – «Собрались они <...> отметить Пасху <...>, оттянуться» [Евангелие от Митьков, 1997];

в полный рост – ‘очень сильно’ [Шинкарев, 1990]. – «И оттянулись по-божески вдвоем, в полный рост...» [Евангелие от Митьков, 1997];

дурилка картонная – ‘ласковое обращение к собеседнику’ [Шинкарев, 1990]. – «А Иуда Искариот подошел и сказал: „Дурилка картонная, не я ли тот?“» [Евангелие от Митьков, 1997];

западло – ‘ругательство, чаще обида на недостаточно внимательное обращение с митьком’ [Шинкарев, 1990]. – «Иисус им в ответ: “За падло меня держите...”» [Евангелие от Митьков, 1997];

опаньки – ‘описание поразившего митька действия’ [Шинкарев, 1990] (заметим, кстати, что эта дефиниция малоудовлетворительна; по крайней мере, приводимые здесь же примеры употребления позволяют определить семантику данного слова приблизительно как ‘конец’, ‘развязка’, ‘катарсис’ и проч.). – «Висел Он на кресте и оценил, что опаньки ему» [Евангелие от Митьков, 1997].

Прежде чем перейти к иллюстрациям использования в «Евангелии» 1997 элементов т.н. «сленга хиппи», напомним вкратце, что в этой социально ограниченной разновидности национального языка значителен удельный вес англицизмов либо слов, сконструированных на их основе с помощью русских аффиксов, а также уголовно-жаргонных лексических единиц (см. [Рожанский, 1992; Васильев, 2017; и др.]).

К числу собственно англицизмов принадлежат следующие:

анкл (англ. uncle – ‘дядя’): «Шел бы ты, анкл?!» [Евангелие от Митьков, 1997];

come here (англ. ‘иди сюда’): «Слава Богу, дождалась, come here!»;

man (англ. ‘человек, мужчина’): «Родится у тебя, сестренка, крутой man»;

sitizen (англ. citizen – ‘граждане’): «Балдел sitizen и шел следом...»;

пипл (англ. people – ‘люди, народ’): «За падло меня держите, пипл...».

Псевдоанглицизмы (их лексические значения даются по: [Рожанский, 1992]):

герла (‘девушка, женщина’): «...Приспичило ему жениться на герле Марии...»;

сейшн (от англ. session – ‘заседание’ – 1. ‘музыкальный концерт’; 2. ‘сборище, вечеринка’): «Собрал Иисус сейшен из братушек и чуваков».

Автохтонные сленгизмы: *крутой* – 1) ‘характеристика, означающая высокую степень события’; 2) ‘неординарный, в каких-то своих качествах превосходящий границу нормы’; 3) ‘напряженный, неприятный’: «Но Господь был крут...»¹; *оттяг* – 1) ‘активное получение приятных эмоций’; 2) ‘ситуация, предмет или человек, дающие возможность оттянуться’: «...В ожидании вечного оттяга»; *обломать* – ‘доставить человеку неприятные эмоции, заставить переживать’: «Иисус <...> решил его обломить»; *приколоться* – 1) ‘обратить внимание’; 2) ‘избрать что-либо объектом иронии’ и др.: «А супостат <...> прикололся»; *лом* – 1) ‘неохота, лень’; 2) ‘неприятные эмоции’: «Лом митьку истинному горбиться...»; *кайфовать* – ‘предаваться наслаждению, радости’: «...Лишь оттянувшиеся кайфуют...»; *прикид* – 1) ‘одежда хиппи’; 2) ‘одежда вообще’: «...Некоторые скидывали свой прикид и постилали на дороге»; *замочить* – ‘избить, убить’: «...Решили

¹ Одну из версий происхождения жаргонизма см. [Васильев, 1993, с. 44–47].

они замочить пришедших»; *пристебаться* – от *стебать* – ‘смеяться, иронизировать над кем-либо, чем-либо (с разной степенью шутливости или злости’: «Но не к чему было пристебаться»; *напрягать* – ‘вызывать неприятные эмоции’: «...Решили Его напрячь, спрашивая...»; *напряг* – 1) ‘неприятная ситуация, обстоятельства, отношения’; 2) ‘неприятные эмоции’; 3) ‘лень, неохота, неприятно’: «...Ловите кайф на чужом напряге»; *хавать* – ‘есть’: «И сказал Он: “Берите, хавайте!”»; *отходняк* – 1) ‘состояние наркотического похмелья’; 2) ‘неприятные эмоции, вызванные плохим физическим состоянием’: «...Решили отходняк без него ловить»; *мажорный* – от *мажор* – 1) ‘человек, ведущий общепризнанный, социально адекватный образ жизни...’; 2) ‘представитель элиты, материально обеспеченный и ставящий материальные интересы превыше всех остальных’: «Понтий был не лохом, но чуваком гнилым и мажорным»; *оторваться* – ‘предаваться наслаждению, радости’: «Отрывался, чадо, так и будешь вкушать»; *кинуть* – ... 4) ‘не сдержат обещание, обмануть’: «И встретил его Бог, и сказал: “Что, Митя, кинули тебя?”».

К уголовно-жаргонной лексике в данном тексте, согласно [Жаргонные слова..., 1997], относятся: *жлоб* – 1) ‘жадный, скупой’; 2) ‘человек из сельской местности’: «Увидел двух жлобов пашущих...»; *горбить* – ‘работать’; *завязать* – ‘прекратить преступную деятельность’: «И завязали они горбиться...»; *лох* – 1) ‘бестолковый’; 2) ‘потерпевший’: «Не водитесь с лохами и мажорами...»; *атас* – ‘сигнал осторожности’: «Просекли они такой атас...»; *гнилой* – 1) ‘много испытавший, опытный, хитрый’; 2) ‘не оправдавший надежды’; 3) ‘трусливый’; *базар* – 1) ‘шум, устраиваемый для отвлечения внимания публики при совершении преступления’; 2) ‘разговор’; ср.: «Задумали было устроить гнилой базар...» – и: «Понтий не был лохом, но чуваком гнилым...»; *бабки* – ‘деньги’: «И выдал им Иуда полученные бабки...»; *кодла* – ‘собрание или группа преступников’: «Собрались они всей кодлой отметить пасху...»; *закосить* – ‘симулировать’: «Почувствовал Он засаду и решил закосить...»; *стойло* – ‘ИВС’: «И замочили Его, и загнали в стойло»; *вертухай* – 1) ‘дежурный милиционер’; 2) ‘контролер’; 3) ‘вахтер’; 4) ‘часовой’: «Решили братушки вертухаев поиметь».

Кроме вышперечисленных, к той же группе лексем принадлежат, по сведениям [Толковый словарь..., 1991], следующие единицы: *пахать* – ‘хорошо работать’: «...И увидел двух жлобов пашущих...»; *надыбать* – «И искали они лодку, и не надыбали»; *врубиться* – ‘понять’: «Не врубились братушки, переспросили»; *взять на понт* – ‘обмануть’; ср.: «Решили братушки вертухаев поиметь. Брали сперва на понт...»; *стырить* – ‘украсть’: «Позже братушки стырили его...»; *слинять* – ‘скрыться’: «Через три дня слинял Он из гроба...»; *пахан* – ‘глава преступной группы’: «...Вознесся к пахану своему – братку крутизны редкой».

Следует отметить, по крайней мере, некоторые важные обстоятельства.

Во-первых, установление семантических оттенков лексемы при ее словарном описании – одна из имманентно трудных задач для лексикографов [Васильев, 1997, с. 28–30]; во многом из-за этого толковые словари постоянно оказываются объектом критики. Во-вторых, создатели вышецитированных изданий вовсе

не являются лингвистами, а потому их труды допустимо рассматривать как плоды наблюдений так называемых «рядовых носителей языка» [Голев, 2008, с. 16]. В-третьих, общеизвестно, что уголовный жаргон (вероятно, как и любой другой) имеет не только региональные модификации и вариации, но также тенденцию к постоянному обновлению своего лексикона. Наконец, между различными жаргонами нет непроницаемых границ: их элементы перетекают из одного в другой, оставаясь объединенными друг с другом по общему признаку противопоставленности литературному языку. Поэтому сложная смесь разнородных единиц в рассмотренном тексте вполне естественна и, заметим предварительно, вероятно, подчинена интенциям его автора.

Кроме того, здесь присутствуют цитаты (или квазичитаты) из популярных советских телесериалов (см. об этом митьковском риторическом приеме [Шинкарев, 1990]); ср.: «Дурилка картонная, не я ли тот?» – или: «А ведь это ты, Мирон, Иисуса застучал!».

Впрочем, наиболее значимым является то, что язык по природе своей идеологичен и с помощью любого национального языка выражается ментальность, общая для его носителей ([Колесов, 2004, с. 15; Васильев, 2017]). Это справедливо и применительно к социально ограниченным разновидностям языка ([Бодуэн де Куртене, 1963, с. 161; Васильев, 2003, с. 156–178; и др.]).

Более того: ранее неоднократно отмечалось, что и у «движения митьков» наличествует некая протоидеология, этика и этикет и проч. Ср.: «Теоретически митек – высокоморальная личность, мировоззрение его тяготеет к формуле: „православие, самодержавие, народность“, однако на практике он настолько легкомыслен, что может показаться лишенным многих моральных устоев. Однако митек никогда не прибегает к насилию, не причиняет людям сознательного зла и абсолютно неагрессивен» [Шинкарев, 1990]. – «Главные принципы этого стиля – доброты, несколько слезливая любовь к ближнему, жалостливость, предельная простота в речи и манере одеваться, любовь к употреблению алкоголя» [Митьки].

Однако данный текст, несмотря на присутствие некоторого количества лексических единиц, свойственных жаргону «митьков», не является, как видим, собственно «митьковским» по речевому оформлению, но скорее, с одной стороны, имитаторским, с другой – значительно диссонирующим с оригинальными установками движения.

Об этом кратко упоминается в [Митьки] и – гораздо более пространно – в довольно раздраженном обращении автора «Евангелия от Митьков» М. Шильмана. Его негативные эмоции направлены непосредственно против зачинателей и активистов движения, которые, вдруг выступая с православных позиций в конце 1990-х, стали осуждать антирелигиозный пафос произведения [Шильман, 2000]. Шильман же, очевидно движимый сочувствием к т.н. общечеловеческим (условно – либеральным) ценностям, подтверждает, что «оригинальный текст „Евангелия от Митьков“ образца 1990 года – самостоятельное произведение, использующее отдельные элементы митьковского сленга» [Шильман, 2000].

Таким образом, формально во многом соответствуя установкам «митьков», которые зиждутся «на глубоких народных традициях так называемой „смеховой“, „карнавальной“ культуры» [Штомпель, 1990], «евангелие» Шильмана даже для ироничных основателей движения оказалось чрезмерно ерническим – именно в аспекте профанизации сакрального (а оно для харьковчанина таковым явно не было изначально). Если «митьки» были склонны к пародированию, то рассмотренный текст – это некая пародия на пародию, обретающая очевидное подобие серьезности.

Необходимо учитывать также, что, подобно карнавализации (реполяризации сакрального / профанного), привычные для общественного сознания позиции совокупности ценностей, окруженных нимбом пиетета, и феноменов, заслуживающих осмеяния, вполне способны – при определенных условиях – к взаимной перемене иерархических статусов. Ср.: «Противопоставление *игра – серьезность* всегда подвержено колебаниям <...>. Игра оборачивается серьезностью и серьезность – игрою» [Хейзинга, 1997, с. 28].

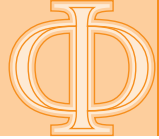
Рассмотренный пример несомненно характерен для социокультурной реальности периода т.н. перестройки (см. [Васильев, 2012, с. 101–113; 2014, с. 41–54; 2013, с. 92–103]), когда производились массивованные информационно-психологические операции, направленные на радикальную трансформацию традиционных аксиологических установок. Впрочем, они не были исторически уникальными; ср. хотя бы: «Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе <...>. Дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное» [Достоевский, 1957, т. 7, с. 481].

Напомним, что текст Четвероевангелия, фрагментарно или в целом, неоднократно подвергался более или менее пародийному переосмыслению. Назовем здесь лишь некоторые примеры. Это «Гавриилиада» юного А.С. Пушкина²; фрагменты его же «Станционного зрителя», где квазицитируется притча о блудном сыне ([Васильев, 2013, с. 47–50]); четвертая глава «Дара» В.В. Набокова, во многом построенная на псевдопараллелизме жизненных путей Иисуса – и Н.Г. Чернышевского [Васильев, 2016]; эпизоды булгаковского «романа о дьяволе» и проч. Во всех подобных случаях сюжетные ходы прототекста заранее хорошо известны, и определенный читательский интерес индуцируется прежде всего тем, какие грани событий и черты персонажей преимущественно окажутся предметом авторского внимания; каковы интенции создателя произведения и посредством каких именно языковых единиц они обретают выражение.

«Новый завет...» Д. Бедного – вполне органичная часть советской агитационной кампании 1920-х годов, имевшей целью не только решительную минимизацию

² Любопытно, что о поэме 1821 года, существовавшей лишь в списках, причем автограф ее не сохранился, власти узнали только в 1828 году из доноса дворовых отставного штабс-капитана М и т ь к о в а (см. [Томашевский, 1977, с. 414]; столь излюбленное апокрифическими биографами Чернышевского созвучие имен [Набоков, 1990, 3, с. 194, 224; и др.] – «соприкосновение исторических узоров» [Набоков, 1990, 3, с. 241].

цию общественной роли традиционной (прежде к тому же – и государственной) религии и ликвидацию православной церкви как мощного и влиятельного социального института. Не менее значимой в системе массовых атеистических мероприятий была синхронная замена изживаемой конфессии на ее эрзац-субститут, то есть компартийную идеологию, также общегосударственную. Вульгарно-издевательский тон многословной агитки Д. Бедного находит соответствующее словесное воплощение с помощью сниженного просторечия, удельный вес которого, однако, не очень заметен на фоне общеупотребительной, частично – разговорной лексики и фразеологии. Не вдаваясь в предположения о подлинных личных намерениях поэта, допустимо говорить, что он в меру своего творческого дара выполнил несомненный заказ власти во имя торжества безбожнических установок – и, естественно, подготовки «нулевого цикла» для строительства храма новой веры – обожествляемой идеологической концепции.

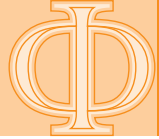
«Евангелие» от Шильмана – опус, почти идеально гармонирующий с векторами совсем иного управляемого катаклизма, «перестройки», затем логично перешедшей в фазу «великих реформ», которые в конечном счете завершились присвоением организованной группкой огромных материальных богатств, созданных подвижничеством (но одновременно – и мученическим) трудом поколений, и содержимого недр всей страны; конечно, для незыблемости своего статуса «элиты» приватизировала и всю государственную власть. Для успеха этих масштабных операций был необходим демонтаж привычного набора аксиологических ориентиров, что и произошло. Однако, в отличие от начала советской эпохи, вместо эксплицированного комплекса идеологических установок, массам не было предложено ничего равноценного: ниша сознания, предназначенная для сакрального, была решительно опустошена. Сочинение Шильмана, как и многие интенционально и выразительно подобные ему словоизвержения легиона местечковых юмористов, пародистов и др., сыграло отведенную ему роль. Немаловажно, что шильмановское «евангелие» – попытка мимикрии под плоды творчества популярных уже к 1990 году «митьков», то есть доброжелательное внимание большей части аудитории к антиправославному тексту оказалось обеспечено. Впрочем, его словесное оформление не согласуется с этическими и эстетическими постулатами «классического митькизма».

С точки зрения интертекстуальности в появлении каждого из двух рассмотренных произведений нет ничего необычного: сочинение аллюзий на инвариантные тексты – явление в практике литературного творчества и паралитературного ремесла довольно распространенное (ср. постмодернизм и под.). Столь же традиционно и пародирование религиозных книг: здесь обнаруживается привлекательность карнавализации как некоего игрового начала, вносящего долю приятного разнообразия в рутинную череду конфессиональных ритуалов и стандартизовано-обязательных речекоммуникативных актов. Но конкретные гипотетические интенции, выражаемые в инверсии сакрального и профанного,

даже если в качестве исходного для травестирования используется один и тот же канонический материал, могут быть весьма вариативными, в том числе и в аспекте отбора адресантом ключевых языковых средств.

Библиографический список

1. Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. 264 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2010. Т. 4 (2). С. 7–508.
3. Бедный Д. Новый Завет без изъяна от евангелиста Демьяна. URL: <https://proza.ru/2014/11/03/1159>
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 161–162.
5. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 5–384.
6. Васильев А.Д. Крутой // Русская речь. 1993. № 6. С. 44–47.
7. Васильев А.Д. Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск, 1997. 104 с.
8. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
9. Васильев А.Д. Цели и средства игр в слова. Красноярск, 2012. 164 с.
10. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
11. Васильев А.Д. Интертекстуальность. Прецедентные феномены. М., 2013а. 342 с.
12. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М., 2014. 240 с.
13. Васильев А.Д. Игры сакральным / профанным в тексте В. Набокова // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2016. № 5 (59). С. 17–28.
14. Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. 264 с.
15. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. В.К. Ронина. М., 1988. 496 с.
16. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
17. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 5–704.
18. Евангелие от Митьков // Комок. 16.04.1997. № 15. С. 48.
19. Жаргонные слова, выражения и татуировки преступного мира. Словарь. Омск, 1997. 220 с.
20. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. 2. 447 с.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1989. Т. 4. 398 с.
22. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
23. Косидовский З. Библейские сказания // Сказания евангелистов / пер. Э. Гессен. М., 1990. С. 295–468.
24. Лакшин В.Я. Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 5–68.
25. Лескис Г.А. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 607–664.
26. Митьки. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index=105443209>
27. Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 3–330.

28. Поляков Ю. Быть русским в России. М., 2019. 496 с.
29. Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992. 64 с.
30. Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю.П. Дубягина, А.Г. Бронникова. М., 1991. 207 с.
31. Томашевский Б.В. Примечания // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 4. С. 409–440.
32. Фрэзер Дж. Золотая ветвь / пер. М. Рыклина. М., 1983. 703 с.
33. Хейзинга Й. Homo ludens: ст. по истории культуры / пер. Д.В. Сильверстова. М., 1997. С. 19–215.
34. Шильман М. К юбилею «Евангелия от Митьков». Воскрешение автора. Abuss. Философия истории. URL: <http://shilman.chat.ru>
35. Шинкерев В. Митьки, описанные Владимиром Шинкаревым и нарисованные Александром Флоренским. Л., 1990.
36. Штомпель И. Аннотация // Митьки... 1990.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-11-3-54>

TWO PSEUDO-GOSPELS: VERSIONS OF SACRAL TEXT PROFANIZATION

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk)

Abstract

Intertextuality is expressed in different forms, one of the most common among them is parody. The object of parody usually becomes high-law works, as the comic effect of distorting their usual appearance turns out to be easily predictable and accessible to a wide audience.

It is natural that public attention is often offered parody versions of canonical confessional texts fundamental to any religion. In such cases, the inversion of universal opposition is realized sacral/profiled, and the resonance result is achieved, as a rule, by using genre-stylistically heterogeneous language units for it in the presentation of the constant plot.

Two paraevangelia are considered as examples of such parodies. One written by D. Bedny in 1925, the other by M. Schilman in 1990. In both cases, the authors apply the reception of the transmission of well-known fabular moves and their characters by lexico-phraseological means alien to the Church Slavonic element.

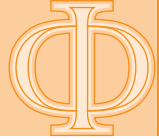
However, the supposed intences of the writers vary markedly. D. Bedny is an active participant of the anti-religious campaign of the first Soviet years, executor of the state campaign order; M. Schilman is an obvious henchman of propaganda operations of so-called restructuring aimed at destroying the state. Atheistic events were intended to replace Orthodox religion with communist ideology; Reconstruction and reform manipulations involved the destruction of sacred values in general.

The study leads to the conclusion that, in many ways, similar modifications of fundamental religious texts are undoubtedly different from each other by inducible impulses of public consciousness.

Keywords: *philological analysis of the text, intertextuality, parody, universal opposition, canonical text, variants, jargonisms, intence of the author.*

References

1. Adrianova-Peretz V.P. Essays on the history of Russian satirical literature of the XVII century. M.; L., 1937. 264 p.
2. Bakhtin M.M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance // Bakhtin M.M. *Sobr. soch.* Moscow, 2010. Vol. 4 (2). P. 7–508.
3. Poor D. the New Testament without flaw from the Evangelist Demyan. URL: <https://proza.ru/2014/11/03/1159>
4. Baudouin de Courtenay I.A. “Thug music” V.F. Trachtenberg // Baudouin de Courtenay I.A. *Selected works on General linguistics.* Moscow, 1963. Vol. 2. P. 161–162.
5. Bulgakov M.A. Master and Margarita // Bulgakov M.A. *Sobr. soch.:* in 5 vol. M., 1990. Vol. 5. P. 5–384.
6. Vasilyev A.D. Krutoy // *Russian speech.* 1993. No. 6. P. 44–47.
7. Vasilyev A.D. Introduction to the historical lexicology of the Russian language. Krasnoyarsk, 1997. 104 p.
8. Vasilyev A.D. Word in Russian TV. Essays of the latest word usage. Moscow, 2003. 224 p.
9. Vasilyev A.D. Goals and means of word games. Krasnoyarsk, 2012. 164 p.
10. Vasilyev A.D. Games in words. Manipulative operations in media texts. Saint Petersburg, 2013. 660 p.

11. Vasiliev A.D. Intertextuality. Precedent phenomena. Moscow, 2013a. 342 p.
12. Vasiliev A.D. Modern myth-making and Russian television literature, Moscow, 2014. 240 p.
13. Vasiliev A.D. Playing the sacred / profane in the text of V. Nabokov // Political linguistics. Yekaterinburg. 2016. No. 5 (59). P. 17–28.
14. Vasiliev A.D. Linguocultural processes and their forecasting capabilities. Moscow, 2017. 264 p.
15. Vinnichuk L. People, customs and customs of Ancient Greece and Rome. Moscow, 1988. 496 p. (per. V.K. Ronin).
16. Golev N.D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction // Bulletin of Tomsk state University. Philology. 2008. No. 3 (4). P. 5–17.
17. Dostoevsky F.M. Besy // Dostoevsky F.M. Sobr. soch.: in 10 vol. M., 1957. Vol. 7. P. 5–704.
18. The gospel of Mitkov // Clump. No. 15. 16.04.1997. P. 48.
19. Slang words, expressions and tattoos of the criminal world. Dictionary. Omsk, 1997. 220 p.
20. Kliuchevsky V.O. a Course in Russian history // Klyuchevsky V.O. Soch.: in 9 vol. M., 1987. Vol. 2. 447 p.
21. Klyuchevsky V.O. Course of Russian history // Klyuchevsky V.O. Soch.: in 9 vol. M., 1989. Vol. 4. 398 p.
22. Kolesov V.V. Language and mentality. Saint Petersburg, 2004/ 240 p.
23. Kosidovsky Z. Bible tales // Tales of the evangelists. Moscow, 1990. P. 295–468 (per. E. Gessen).
24. Lakshin V.Y. The World Of Mikhail Bulgakov // Bulgakov M.A. Sobr soch.: in 5 vol. M., 1989. Vol. 1. P. 5–68.
25. Lesskis G.A. Bulgakov's Last novel // Bulgakov M.A. Sobr. soch.: in 5 vol. M., 1990. Vol. 5. P. 607–664.
26. Mitki. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/w/index=105443209>
27. Nabokov V.V. Dar // Nabokov V.V. Sobr. soch.: in 4 vol. M., 1990. Vol. 3. P. 3–330.
28. Polyakov Yu. Be Russian in Russia. Moscow, 2019. 496 p.
29. Rozhansky F.I. Slang hippies. Materials for the dictionary. Saint Petersburg; Paris, 1992. 64 p.
30. Explanatory dictionary of criminal jargon / ed. of Yu.P. Dubyagina, A.G. Bronnikova. M., 1991. 207 p.
31. Tomashevsky B.V. Notes // Pushkin A.S. Poln. Sobr. soch.: in 10 vol. L., 1977. Vol. 4. P. 409–440.
32. Fraser J. Golden branch. M., 1983. 703 p. (per. M. Ryklin).
33. Heisinga J. Homo ludens: Articles on the history of culture. Moscow, 1997. P. 19–215 (per. D.V. Silverstov).
34. Shilman M. To the anniversary of the “gospel of Mitkov”. Resurrection of the author. Abuss. Philosophy of history. URL: <http://shilman.chat.ru>
35. Mitki, described by Vladimir Shinkarev and drawn by Alexander Florensky. L., 1990.
36. Shtompel I. Abstract // Mitki ... 1990.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, professor of the Department of the of general linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: vasileva@kspu.ru